

УДК 58(092)

Рудольф Камелин. Штрихи к портрету

Л. С. Красовская

БИН им. В. Л. Комарова РАН, ул. Проф. Попова, 2, г. Санкт-Петербург, 197376, Россия. E-mail: lkrasovskaya@binran.ru

Ключевые слова: Рудольф Владимирович Камелин, воспоминания, флора, экспедиции, моральные качества.

Аннотация. Воспоминания и восприятие личности Рудольфа Владимировича Камелина, флориста, систематика, флорогенетика рубежа второго тысячелетия.

Rudolf Kamelin. Touches to the portrait

L. S. Krasovskaya

Russian Academy of Sciences, Komarov Botanical Institute, Prof. Popov str., 2; St. Petersburg, RF-197376, Russia

Key words: Rudolf Vladimirovich Kamelin, memories, flora, expedition, the moral quality.

Summary. Memories and perception of the personality of Rudolf Vladimirovich Kamelin, the botanist, specialist on floristics, plant systematics, flogenetics in the turn of the second Millennium.

Нет рядом Рудольфа Владимировича Камелина, но его незримое присутствие продолжает ощущаться в здании Гербария БИН, на гербарных листах, в публикациях и разговорах сотрудников.

Недавно искала на полке какую-то книгу и рука «сама наткнулась» на одну из первых его монографий «Флорогенетический анализ естественной флоры горной Средней Азии» (Kamelin, 1973) с автографом: «Всего наилучшего Левичевым, как ботаникам и как «человекам», Р. Камелин. 1976, при первом посещении конторы з-ка в Паркенте». Я не помню этого момента, находилась в горах. Встречал важного гостя в Ташкенте, сопровождал в Паркент, а потом на Базу Чаткальского заповедника И. Г. Левичев. Помню многое другое. Рудольф Владимирович был в моей жизни довольно длительный срок – 40 лет. В момент нашей первой встречи, мне было 28, а ему почти 38.

Полевая база Горно-лесного заповедника на высоте 1200 м над ур. м. в отрогах Чаткальского

хребта узбекской части Западного Тянь-Шаня. Середина лета. На узкой террасе поперек крутого склона, в тени посаженных деревьев, цепочкой растянулись домики Базы, выше по склону метеоплощадка. Прибегают мои малолетние дочки и кричат: «Гости по русскому языку приехали». Ухватив детей за руки, бегу к конюшне в конце террасы над порожистой речкой Баш-Кызылсай. Приехали двое, помогают развьючивать лошадей. Мне протягивает руку худощавый, выше среднего роста мужчина с бородкой и в очках: «Рудик». Рукопожатие сильное, и ладонь не кабинетного работника, а как у наших егерей и учеников – жесткая и шершавая. Позже, я прочла в одном из предисловий Р. В. Камелина: «Я, как работающий в поле ботаник...».

Рудольф Владимирович приехал со своим сыном Женей, светло-русый, худеньким подростком, будущим герпетологом и писателем, оставившим после безвременной кончины несколько книжек с изящными и неожиданно интересными стихами, новеллами, сказками, историческими

реконструкциями греческих мифов, зоологическими эссе. На титуле «Изборника» (Kamelin E., 2005) дарственная надпись: «...я с удовольствием вспоминаю свою первую экспедицию, 7 дней в Чаткальском заповеднике, коня Мишку и сон под конскими попонами». Женя сразу воскликнул: «Пойду обозрывать окрестности». А вещи еще на земле, темнеет быстро. И тут Рудольф Владимирович дернулся к сыну и что-то резко ему сказал. Я даже опешила и, чтобы разрядить возникшее напряжение, стала знакомить мальчика с моими детьми. Они быстро сдружились и все оставшиеся дни от него не отходили, внимали каждому его слову, но и сами торопились

показать наиболее интересное: будь то нора дикобраза, или рыба маринка в реке, или висащие «рукавички» – гнезда синицы-ремеза, или скопление птичьих гнезд на тополях: «А это воробьи, они особенно шумные, когда змея залазит на дерево кормиться». «Смотри, райская мухоловка слетела с гнезда». «А там, в нише скалы, гнездо синей птицы...». К слову сказать, Женя, тоже выросший на берегах горной реки, так хорошо за ними присматривал, что я могла спокойно работать (рис. 1).

В нашей просторной лаборатории со столами по периметру Рудольф Владимирович решительно придвинул к себе ящик с картотекой и сра-

Рис. 1. Башкызылсайский участок Чаткальского заповедника. 1976 г. Верхом – Евгений Камелин. Закладывают гербарий Р. В. Камелин и Л. С. Красовская. На заднем плане скалы горы Минора (фото И. Левичева)

зу почувствовал себя хозяином и в своей нише. Меня это немного удивило, все-таки это наша вотчина, наша флора, ну, думаю, посмотрим... Я знала, что Рудольф Владимирович уже опубликовал таджикскую флору Варзоба (Kamelin, 1971), но «Анализ...» еще не видела.

Картотека флоры заповедника у меня была на перфокартах формата А5, тогда такие были инновации (кстати, не уступающие компьютеру в удобстве оперативной сортировки, подсчета и т. д.). В напечатанную на карту матрицу вносилась информация о каждом виде, как литературная, так и полевая. Практически без разговоров, Рудольф Владимирович методично просматривал все содержимое каждой карты и, если у него возникали вопросы, передавал ее мне для поиска требующихся подтверждений моих записей во «Флорах». К слову, в заповеднике присутствовали, и не без наших усилий, все региональные «флоры» республик Средней Азии, «Флора СССР», ботаническая литература разной тематики, много ксерокопий. Актуальные справочники не считались грузом и регулярно переключивались из Паркента на Базу и обратно.

Работал Рудольф Владимирович очень сосредоточено, весь сжатый как пружина и ничего не записывал. В то время меня особенно поразило его знание латинских названий, авторов при них, синонимии, ареалов. Несколько раз он говорил: «Этот к вам не заходит, но надо проверять по сборам». Заметно удивился обилию гусиных луков, тогда их было уже обозначено около 30. Особенно придиричиво обсуждалось распространение и типы ареалов. Я не помню даже, чтобы он выходил курить. Однажды веселой компанией забежали дети, Рудольф Владимирович резко вскинулся, и они вышли. На комментарии И. Г. Левичева, Р. В. Камелин помахал рукой, отправив его тем самым присматривать за детьми, лошадьми и пропитанием.

На третий день, изучив всю картотеку (около 1500 таксонов), Рудольф Владимирович поднял голову, улыбнулся и сказал: «А теперь я бы хотел посмотреть это в натуре...».

Знакомство с «натурой» вылилось в жаркий, и потому особенно трудный, трехдневный маршрут по горным тропам 4-х человек с 3 лошадьми и с ежедневными километровыми перепадами высот. Больше всех ехал верхом Женя. Остальные постоянно принимали излюбленную (и в городской жизни тоже) позу Рудольфа Владимировича – на корточках, для сбора гербария. Именно последнее действие придавало всем

силы, особенно когда попадалось что-то новенькое, отсутствовавшее в картотеке. Наиболее тщательно Р. В. Камелин осматривал и называл все встреченные луки и долго любовался популяцией краснокнижного *Allium pskemense* на недоступных скалах горы Минора. Но, с не меньшим энтузиазмом, обследовались также и все злаки, осоки, мельчайшие эфемеры. Его память просто поражала, и... угнетала. Угнетала осознанием собственной беспомощности при отсутствии под рукой определителей, флор, справочного гербария.

Картотеку флоры заповедника, после той экскурсии, дополнили более 3 десятков новых названий, а 2 лука были описаны как новые. Но самая замечательная находка в конце того похода прошла буднично – все были предельно уставшими. Как редкое исключение, на затяжном подъеме, Рудольф Владимирович согласился сесть на лошадь. Издалека я увидела, как он, не совсем по-ковбойски, сполз с лошади, поковырял кедом землю, небрежно выдернул какой-то пучок и одним движением сунул его между листов в заплечную гербарную папку, не развязывая ее. Уже на Базе, сидя в ночной прохладе за вечерним чаем на кошке айвана, я спросила, что тогда было найдено. «А давай посмотрим». Впервые Рудольф Владимирович сомневался. Как потом выяснилось в Ленинграде, это было новое местонахождение очень редкого полупаразита *Thesium minkwitzianum*, включенного в Красную книгу СССР, описанного по единственному сбору Элеоноры Минквиц с пустынной равнины к северу от Ташкента. А тут приличные горы.

Несмотря на усталость и позднее время, записали и заложили под пресс наши довольно объемные сборы. Трепетное отношение к гербарии, как основному документу работы флориста и систематика, характерная особенность биновской школы: собранный за день материал надлежало сразу заложить и записать. Б. А. Юрцев в экспедиции на Чукотке обучал этому И. Г. Левичева. Он в Бадхызе и в Чаткале – меня. Намного раньше, молодой сотрудник Варзобского стационара Р. В. Камелин водил по склонам Кондары Е. В. Лавренко, А. Л. Тахтаджяна, В. П. Бочанцева и других биновцев. Все мы были последователями одной ботанической школы. Потому в шесть рук около полутысячи гербарных листов нашей «экскурсии» по заповеднику были упорядочены очень споро.

Утром Рудольф Владимирович протянул мне листок бумаги с планом диссертации. Но через

10 лет вышла только «Флора Чаткальского заповедника» под его редакцией (Krasovskaya, Levichev, 1986). А темой диссертации, тоже под руководством Р. В. Камелина, стал род *Rubus*. Решилось это буднично, на лестнице Гербария, так как в кабинет к Рудольфу Владимировичу обычно всегда выстраивалась очередь посетителей. Я сказала, что закончила обработку рода *Rubus* для Конспекта Восточной Европы и это может стать диссертацией. Р. В. Камелин отмахнулся: «Ну какая Европа без Кавказа». Так потом и утвердили на Ученом Совете.

Сейчас, освоив компьютер, остается только сожалеть об упущенных возможностях обнаружения огромного массива наработанных в заповеднике результатов, хранящихся в виде отчетов в архивах заповедника и Москвы. Речь о текстовом оформлении растительности 2-х его обособленных участков, цветном вычерчивании 1,2 м² геоботанической карты Баш-Кызыл-сая и обобщении материалов по динамике флоры и растительности на 23 площадках экологического профиля, теория и методика заложения которых, неоднократно обсуждались с Р. В. Камелиным во время и после той поездки.

Сам «Анализ...» (между прочим – наиболее цитируемую работу Р. В. Камелина) я прочла позже. Стиль его напоминал мне Ф. Достоевского, немного тяжеловесный, с длинными предложениями, многоплановый по содержанию. В последних его монографиях появилась легкость, филигранность. Но всегда и во всех работах присутствовали только ему свойственные обороты речи, оригинальное словотворчество. Также и в Предисловиях к чужим изданиям Рудольф Владимирович уходил от официоза, штампов, затасканных словосочетаний.

Когда Р. В. Камелин (позже) приезжал в Ташкент, то все стремились с ним поговорить, попасть на консультацию, показать гербарий, рукописи. Тогда не было Интернета, не было возможности передать текст и изображения в срочном режиме. Простая подготовка текста в редакцию на машинках с русским и латинским шрифтами отнимала очень много времени, как и изготовление рисунков. Возможности были другие, но, тем не менее, почти все республики СССР до 1990-х гг. завершили свои многотомные региональные флористические сводки. А недавно, под общей редакцией Р. В. Камелина, вышел 11 том – конспект с дополнениями к «Определителю растений Средней Азии» (Opredelitel..., 2015). В появлении всех этих изданий, в числе прочего,

огромная, неоценимая заслуга Рудольфа Владимировича.

Проблема редких растений занимала особо важное место среди научных интересов Р. В. Камелина, как в теоретическом, так и в практическом плане. Именно он с В. Н. Тихомировым и при поддержке академика А. Л. Тахтаджяна инициировал оперативное переиздание Красной книги СССР большим и многонациональным коллективом авторов в академическом, научно обоснованном формате (Krasnaya kniga..., 1984). Тем самым, был дан старт к написанию Красных книг республик, областей и т.п. При этом обнаружился парадокс: редкие в пределах страны растения могли быть вполне обычными в отдельных регионах (как и наоборот). Более того, при заповедном режиме зафиксировано естественное сокращение численности, например, у тюльпанов, эремурусов и др. Эти аспекты мы обсуждали с Р. В. Камелиным еще во время экскурсии в заповеднике и при подготовке к печати нашей «Флоры». «Критерии редкости для малых территорий должны быть иными». Этот его посыл стал темой доклада и публикации (Levichev, Krasovskaya, 1978).

Рудольфа Владимировича отличал не только высокий профессионализм, но и связанные с ним моральные качества: честность, порядочность и научная этика. Эти достоинства все более мельчают с уходом ботанической элиты. Вот пару примеров. Будучи руководителем отдела и множества проектов, Р. В. Камелин никогда не «лепился» в соавторы и в то же время опубликовал в общей сложности более 560 работ разного калибра, и имеет среди сотрудников БИН самый высокий индекс цитирования (инд. Хирша = 18). Помню, как И. Г. Левичев пришел, расстроенный его отказом поставить свою фамилию под тремя подготовленными к Ботаническому Конгрессу в Австралии тезисами: «...Рудольф Владимирович наотрез отказался. И посоветовал пока не обнародовать схему структуры метамера двудольных. Сказал, что помозговать еще над этим надо...». А ведь тогда, на протяжении 6 лет, он как руководитель двух последовательных грантов РФФИ об особенностях и отличиях однодольных и двудольных редактировал и подписывал годовые и итоговые отчеты нашей группы. Тезисы на Конгресс были подготовлены, в том числе, и по этим результатам. Или вот более ранний пример. Мы проработали в Бадхызе только один сезон. Переданные в БИН дублетные сборы были определены Р. В. Камелиным и В. П. Бочанцевым, и этот

небольшой список предложили опубликовать нам самим. Мы отказались, так как знали, что в разы более объемные дополнения уже накоплены. В числе 1049 видов «Списка растений Бадхыза» (Vochantsev et al., 1992) наши новинки были корректно сопровождаемы фамилией коллектора.

Редактировал Р. В. Камелин отменно, очень много и до последних дней. Ему на дом регулярно возили рукописи для Большой Российской Энциклопедии и как главному редактору – сформированные редколлекгией очередные номера Ботанического журнала. Некоторые тексты после этого были черными от обилия правки, были и отклоненные на переработку.

Тогда же, при первой экскурсии в горах, Р. В. Камелин познакомил меня и с воззрениями М. Г. Попова, которого он высоко ценил и взгляды которого на роль гибридизации и на происхождение флор Евразии ему очень импонировали. Некоторые ботаники отдают предпочтение гибридизации, другие – феномену неотении, а Рудольф Владимирович особое внимание уделял эндемизму. Однажды он заметил: «И что ты можешь сказать об эндемиках Кавказа, все уже сказано Юзепчуком» (С. В. Юзепчук очень много сделал для познания рода *Rubus*). А я и выпалила: «Да все республики Кавказа охраняют свои эндемики наравне с государственной границей». Рудольф Владимирович засмеялся. Я продолжила: «Некоторые эндемики Азербайджана «ушли» в Иран. Я видела сборы поляков с пограничных территорий. Вопрос эндемизма таких видов закрыт. Да и эндемизм Крыма сильно преувеличен. Каждый флорист изучает свою территорию, а надо брать шире. Восточное Средиземноморье, будто пуповиной, связано с Крымом и Кавказом».

Решающее значение эндемикам Р. В. Камелин придавал при выделении флор любой размерности. Как наименьших естественных флор, в которых «должен присутствовать хоть один эндемичный таксон» (Kamelin, 1973: 12), так и для характеристики флористических царств планеты. Последнее запомнилось всем прослушавшим, сопровождавшийся красочной презентацией, его вступительный доклад на праздновании 300-летия БИН РАН: «Флористическое районирование Земли. Южные царства» (Kamelin, 2014), и не менее убедительно продемонстрировано в подготавливаемой посмертной монографии: «Флора Земли: флористическое районирование суши».

Р. В. Камелин, как и всякий грамотный систематик, оперировал группами родственных видов, которые именуются сериями, агрегатами, а

он любил называть такие клубки, не определяя их таксономический статус, «группой родства» и говорил, что там «течет кровь такого-то вида».

Еще меня всегда поражала способность Рудольфа Владимировича изложить суть любого доклада в сжатой, четкой форме, особенно на предзащитах и защитах. Иногда слушаешь докладчика и напрягаешься, пытаешься понять новизну и научный вклад. Встает Р. В. Камелин и в несколько минут расставляет акценты и рельефно показывает главное. Все становится ясно, а докладчик удивленно кивает головой, явно пораженный значимостью своих результатов.

По истечении многих лет совместной работы в лаборатории и в экспедициях, наблюдая Рудольфа Владимировича в разных ситуациях, я поняла, что отношение к работе, еде, окружающим у него какое-то самобытное, патриархально-крестьянское (рис. 2).

Те, кто знал Р. В. Камелина только по кабинетным беседам и научным дискуссиям, вероятно, думали, что он собеседник резкий, вспыльчивый, авторитарный. Но в полевых условиях мы его знали другим: теоретически глубоко подготовившимся к флоре, географии, климату, национальным традициям района исследований, с продуманным перечнем необходимого оборудования и одежды, неприхотливым в еде, не паникующим в неординарных ситуациях, сохранявшим выдержку и игнорирующим бытовые стычки.

Как-то на заправке под машиной обнаружилась растущая лужица: капало из бензопровода нашего автомобиля. «Всем из машины и подальше...». После звонка в автофирму, нам пригнали другое авто и намеченный на этот день маршрут был выполнен сполна. Р. В. Камелин очень не любил и сильно переживал, когда его команда распалась даже на короткое время, он как лев охранял свой прайд. Однажды в Азербайджане нам предложили две машины в разные районы. Я поспешила обрадовать Рудольфа Владимировича, но не тут-то было. Он превратился в камень, весь вечер со мной не разговаривал, был очень недоволен. Вероятно, причиной тому была чрезмерная ответственность за спутников. Через несколько дней мы благополучно встретились, привезли подарки – восточные сладости от хозяйки частной кондитерской, новые сборы. Рудольф Владимирович оттаял, а возможно просто успокоился. В другой раз, на Крите, мы с И. Г. Левичевым ушли в горы, а вернулись в сумерках. Рудольф Владимирович (со слов Ольги Петровны Камелиной) места себе не находил. Он к

Рис. 2. Крит, близ Спили. 2010 г. Первый полевой выезд. Слева направо: И. В. Татанов, О. П. Камелина, Р. В. Камелин, немецкие коллеги А. Петерсон (Dr. Angela Peterson) и Й. Петерсон (Dr. Jens Peterson), внизу Л. С. Красовская, И. Г. Левичев (фото И. Левичева).

Рис. 3. Крит, Плакиас. 2010 г. Финальная сортировка и отбор гербария в дар Средиземноморскому Аграрному институту в г. Ханья на Крите. На переднем плане И. В. Татанов и Р. В. Камелин, на заднем – О. П. Камелина и Л. С. Красовская (фото И. Левичева).

нам не вышел, за ужином не обращал на нас внимания, но и слов упрека не прозвучало, оправданий не требовал – просто молчал (рис. 3). И только на следующий день спросил: «Ну и что там хорошего нашли?»

Особо показательно было его отношение к жене – Ольге Петровне. Познакомились они на станции в Варзобе и после того, как выросли дети (сын Женя и дочь Алена), Ольга Петровна стала его постоянной экспедиционной спутницей, как и секретарем, представителем, советником, врачом, кормилицей и всем-всем прочим во все остальные времена. Называл ее Рудольф Владимирович всегда ласково – Олюшей (а мне слышалось Алеша...) (рис. 4).

Он мог в своем кабинете одновременно просматривать рукопись и слушать посетителя. И только когда его что-то занимало – вдруг резко поднимал голову и молниеносным взглядом сканировал говорившего. Задавал вопрос или мог резко сказать: «Нет!» Но это не означало отказа раз и навсегда. Изменение отношения к теме через некоторое время было вполне возможным при достаточной аргументации. Конфуций же не зря сказал, что только дурак не меняет своего мнения. Но временами его категоричное «Нет» нельзя было ничем поколебать. Однажды поступило распоряжение поставить «клеймо» «БИН РАН» на все приобретаемое экспедиционное снаряжение (рис. 5, 6, 7). Я пропечатала даже

Рис. 4. Баку, Институт Ботаники НАН Азербайджана, 2011 г. Р. В. Камелин, О. П. Камелина, директор ИБ НАНА проф. Валида Ализаде, Л. С. Красовская, И. Г. Левичев (фото Д. Агаевой).

свои бежевые льняные носки. И в целом, мне кажется, это распоряжение никто всерьез и не воспринял. Но Р. В. Камелин возмутился и вернул свою ветровку (рис. 8).

Рудольф Владимирович очень не любил посещать бухгалтерию. Такого рода отчетность его

всегда угнетала, хотя он исправно привозил из своих частых командировок все необходимые квитки и отметки. Я старалась, как могла, избавить его от этих процедур. Как-то он беседовал в кабинете с очередным посетителем. Я вошла, и лицо его просияло, сидящий напротив собесед-

Рис. 5. Кипр, 2012 г. Вверху слева – Р. В. Камелин в районе г. Писсури, справа – Р. В. в роще ливанского кедра у перевала в Кедровой долине, внизу – маршруты экспедиции (фото И. Левичева).

Рис. 6. Гербарные результаты Кипрской экспедиции 2012 г. (фото И. Левичева).

Рис. 7. Крит, близ Миртиос. 2015 г. Р. В. Камелин и Л. С. Красовская (фото И. Левичева).

ник удивленно ко мне повернулся. Р. В. Камелин засуетился, порывшись в бумагах на столе и с облегчением передал мне конверт, в котором были документы к авансовому отчету его очередной командировки. Однажды в бухгалтерии меня спросили: «А как выглядит Камелин?»

В последней экспедиции у Рудольфа Владимировича усилился кашель, он ел мало и мед-

ленно. Но никогда не оставлял еду в тарелке, даже в этих ситуациях стремился быть лидером. Однажды за завтраком удрученно заявил: «Ну что ты навалила столько». На следующий день я уменьшила порцию, и он с очень довольным видом заметил: «Ну, это другое дело». Как-то обнаружил, что он ест медленнее всех, это ему очень не понравилось, и он пал духом. И тут игра про-

Рис. 8. Вверху: крутой серпантин на Крите близ Родакино. 2015 г. Все под контролем. Р. В. Камелин и на заднем плане Н. Б. Алексеева – иридолог и водитель экспедиционной машины. Внизу: маршруты по острову в 2010 (синим) и 2015 (красным) гг. (фото И. Левичева).

должилась. На другое утро, спрятавшись за букетом цветов на столе, я ем чайной ложечкой. Рудольф Владимирович доел свою кашу и победоносно смотрит на меня, выглядывая из-за букета, мою уловку он не заметил (рис. 9).

Его любовь к эндемикам я использовала с благими намерениями. В магазине обнаружила полку с травами и пакетик «Τσίλι του βουνού» – «Горный чай», которым оказался *Stachys cretica*. Зная, что в Крыму (и не только) любят заваривать чистец, смешала траву с медом, имбирем, корицей, лимоном и зеленым чаем. Получился темно-янтарного цвета душистый, чуть терпковатый напиток, и я преподнесла его как дегуста-

цию критского эндемика. Р. В. Камелин сразу отверг этот статус, мол бери шире – все Восточное Средиземноморье. По вкусу он, и правда, ничем не отличался от крымского. Рудольф Владимирович остался доволен. И мы тоже, так как с кашлем надо было бороться.

Во время средиземноморских поездок Рудольф Владимирович часто включал греческие музыкальные программы. Солнечные мелодии и песни Эллады сопровождали закладку гербария, записи, экспресс-определения, препарирование свежих образцов, хозяйственные будни экспедиции. Также и в Азербайджане, как-то вечером Р. В. Камелин слушал трансляцию по телевидению

Рис. 9. Гербарий БИН, 2014 г. За рабочим столом в кабинете. Р. В. Камелин с высшим орденом Монголии Полярная Звезда (2010), О. П. Камелина с Почетными знаками лауреата Государственной премии РФ в области науки и техники (1993) и премии Правительства РФ (2002). (фото И. Левичева).

фестиваля горлового пения – мугам. Я тоже присел рядом, по правде, впервые знакомясь с этим видом искусства. Рудольф Владимирович сидел весь подавшись вперед, поглощенный музыкой, напряженный, сосредоточенный. Он редко расслаблялся.

REFERENCES / ЛИТЕРАТУРА

- Bochantsev V. P., Kamelin R. V., Gorelova, T. G.** 1992. *Spisok rasteniy Badkhyza [List of plants in Badkhyz]*. Turkmen scientific research Institute of scientific and technical information, Ashkhabad, 63 pp. [In Russian]. (**Бочанцев В. П., Камелин Р. В., Горелова Т. Г.** Список растений Бадхыза. Ашхабад: ТуркменНИИИТИ, 1992. 63 с.)
- Opredelitel rasteniy Sredney Azii [Conspectus florum Asiae Mediae]*. 2015. Publishing house Fan of Uzbek SSR, Tashkent, Vol. 11. 456 pp. [In Russian]. (*Определитель растений Средней Азии*. Ташкент: Фан, 2015. Т. 11. 456 с.).
- Kamelin E.** 2005. *Izbornik [Miscellany]*. Publishing company Bin, St. Peterburg, 177 pp. [In Russian]. (**Камелин Е.** Изборник. СПб.: изд-во Бин, 2005. 177 с.)
- Kamelin R. V.** 1971. The species composition of vegetation cover of the Varzob river ravine. Vascular plants. In: *Flora i rastitelnost ushchelya reki Varzob [Flora and vegetation of the Varzob river ravine]*. Science, Leningrad, 151–272 pp. [In Russian] (**Камелин Р. В.** Видовой состав растительного покрова ущелья р. Варзоб. Высшие растения // Флора и растительность ущелья реки Варзоб. Л.: Наука, 1971. С. 151–272).
- Kamelin R. V.** 1973. *Florogeneticheskiy analiz estestvennoy flory gornoj Sredney Azii [The florogenetical analysis of native flora of the mountain Middle Asia]*. Science, Leningrad, 356 pp. [In Russian]. (**Камелин Р. В.** Флорогенетический анализ естественной флоры горной Средней Азии. Л.: Наука, 1973. 356 с.).
- Kamelin R. V.** 2014. Floristic zoning of the Earth. The southern Kingdom. In: *Botanika: istoriya, teoriya, praktika [The botany: history, theory, practice (the 300th anniversary of the Komarov Botanical Institute RAS)]: Proceedings of Intern. noun. Conference*. St. Peterburg, 112–115 pp. [In Russian]. (**Камелин Р. В.** Флористическое районирование Земли. Южные царства // Ботаника: история, теория, практика (К 300-летию основания Ботанического ин-та им. В. Л. Комарова РАН): Труды междунар. научн. конф. СПб., 2014. С. 112–115).
- Kamelin R. V., Kamelina O. P.** 2016. Igor Germanovich Levichev (in connection with the 70th anniversary). *Turczaninowia* 19, 1: 87–93 [In Russian]. (**Камелин Р. В., Камелина О. П.** Игорь Германович Левичев (в связи с 70-летием) // *Turczaninowia*, 2016. Т. 19, вып. 1. С. 87–93).
- Krasovskaya L. S., Levichev I. G.** 1986. *Flora Chatkalskogo zapovednika [The Flora of the Chatkal Nature Reserve]*. Publishing house “Fan” of Uzbek SSR, Tashkent, 174 pp. [In Russian]. (**Красовская Л. С., Левичев И. Г.** Флора Чаткальского заповедника. Ташкент: Изд-во Фан Узбекской ССР, 1986. 174 с.).
- Levichev I. G., Krasovskaya L. S.** 1978. About the concept of “rare species” in relation to the small territories. In: *Rastitelnyy mir okhranyayemykh territoriy [Vegetable world of protected areas]*. Zinatne, Riga, 67–72 pp. [In Russian]. (**Левичев И. Г., Красовская Л. С.** О понятии «редкий вид» применительно к малым территориям // Растительный мир охраняемых территорий. Рига: Зинатне, 1978. С. 67–72).
- Krasnaya kniga SSSR. Redkiye i nakhodyashchiesya pod ugrosoy ischesnoveniya vidy zhivotnykh i rasteniy [The Red Data Book of the USSR. Rare and endangered species of animals and plants]*. 1984. (2nd ed.). Vol. 2. Forestry industry, Moscow, 480 pp. [In Russian]. (*Красная книга СССР: Редкие и находящиеся под угрозой исчезновения виды животных и растений*. (2-е изд.). М.: Лесн. пром-сть, 1984. Т. 2. 480 с.).